

ВАМПИЛОВСКИЕ ДНИ. СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ



тер человека, очертить сущест-
венное в нем. Вот еще запись —
на ту же тему; не о человеческом
ли характере она: «Он полз,
казалось, не в карман, а в самую
глубину своей души и вырвал из
нее рубль».

Первый год учебы мы, четверо
вчерашних школьников, жили в
одной комнате с тремя старше-
курсниками. Эти веселые парни
решили открыть для нас домаш-
нюю школу эротических знаний.
Много «учебных предметов» на-
выдумывали мы под общий хохот.
Саня внес в свою книжницу на-
звание одного из них: «Правила и
техника поцелуев». Кто-нибудь из
учителей этой «школы» мог на-
ставлять нас так, как это сфор-
мулировал Вампилов: «Покля-
нешься в вечной любви и для
приличия процитируешь что-ни-
будь из классиков».

Начало сентября. Чистое не-
бо над деревьями напоминает
стекло веранды на солнечной да-
че. Теплый, мечтательный день
осени. Мы с Вампиловым идем по
аллее сада имени Парижской
коммуны, топча пока еще редкие
опавшие листья. Саня говорит как
бы про себя:

Приют задумчивых дриад...
Он останавливается, вынимает
из кармана тонкую книжницу и
записывает. Что же? Не знаю. Но,
думаю, что-нибудь вроде: «Знае-
те, такое приятное и возвышенное
ощущение, даже мороз по коже
идет».

зоилив, как начинающий автор». Ну
и другие.

Еще один студент, член литобье-
динения, сочинял рассказы «на злобу
дня». Причем, будучи городским
парнем, смело живописал старателей
золотых приисков, сплавщиков леса,
лесных пожарников. И самое удиви-
тельное — его рассказы иногда
печатались в газетах. Возможно, что
после появления его очередного со-
чинения Вампилов отметил в своей
тетрадке: «Два искусства — писать
и печатать».

В те годы в Иркутске нередко
были уличные ограбления; конечно,

было не трудно. Редакции областных
газет получали множество рукописей
самодельных авторов; ответить
каждому журналисты не имели воз-
можности; это делали мы, студенты-
филологи, оттачивая критические
перья и к тому же подзарабатывая
какие-то крохи.

Занятие наше — читать опусы
и отвечать авторам — было
и полезным, и веселым. Открывая
вечером в общежитии конверт за
конвертом, мы находили в них та-
лантливые строки — и радовались,
возбужденно обсуждали; деклами-
ровали графоманские сочинения —

Александр Вампилов:

«ЮМОР—ЭТО УБЕЖИЩЕ ОТ МРАЧНОСТИ И ГРЯЗИ»

Начну с Саниных записных
книжек. Хорошо помню эти кро-
хотные тетрадки в четверть
обычного машинописного листа
— не блокноты, а именно тетрад-
ки из ученической, разлинованной
в полоску или клетку бумаги; их
продавали тогда всюду, и Саня
пользовался ими потому, что они
были тоненькими, мягкими и поч-
ти не ощущались в кармане.

Часто в общежитии, в ауди-
тории, даже на улице под шумок
чужих разговоров он вынимал
тетрадку и, держа на весу,
торопливо и коротко записывал,
как правило, не услышанное от
людей, а собственное, пришедшее
на ум в эту минуту. Я и теперь
восстанавливаю многие из этих
мгновений — мимолетные живые
сценки, среди которых рождались
вампиловские записи.

„Университетский коридор во
время перемены. Толкотня, говор,
смех. Саня стоит с девушкой. У
нее подвижные черты лица, очень
живые глаза. Это наша однокур-
сница Таня С. Вампилов отличал-
ся: она мгновенно откликалась на
шутку, сама умела «сразить» со-
беседника. Вот Саня, «обольщая»,
сказал ей что-то флиртное — и
в ответ (как в записной книжке
— почему бы и нет?):

«Какой вы нахал», — сказала
она с уважением».

Думаю, о ней — такая ми-
ниатюра:

«— Я забыла, — и смеется
— Здравствуйте, — и смеется —
Я больна, — и смеется».

Еще о Тане: «Дети у нее будут
оптимистами».

На занятия университетского
литобъединения ходил студент
Игорь А. Сань военного-журнали-
ста, он был хорошо одет, всегда
при деньгах. Рослый, он как бы
уже по одной этой причине смот-
рел на многих свысока. Однако
забавная надменность сочеталась
в нем с неуверенностью, робостью
(весьма распространенный юно-
шеский характер). Мне кажется, к
нему Вампилов возвращался в
своих записках несколько раз:
«Скептик. Даже свои стихи он
читает с пренебрежением». Или:
«Он был горд и из боязни, что с
ним не поздороваются, не здоро-
вался сам». Как известно, первую
из этих записей Вампилов ис-
пользовал в рассказе «Сумочка к
ребру», попытавшись набросать
характер, до этого лишь бегло
очерченный короткими строками.
Его начинающий поэт Рассветов,
тоже читающий с пренебрежени-
ем собственные стихи, отвергает
обвинение в их мелкотемье в
присущей ему манере:

«— Мелких тем нет. Есть
мелкие авторы, — надменно го-
ворит Рассветов».

Об истории юморески «Су-
мочка к ребру» я хотел рассказать
позже, но вот дошел в записной
книжке Вампилова до фразы:
«Улыбка до ушей — будущее
наших детей» и подумал, что
происхождение этой оптимисти-
ческой тирады нельзя объяснить,
не касаясь названной новеллы.

Проучившись два-три года на
филологическом отделении и по-
толкавшись в литобъединении, мы
решили, что уже можем давать
профессиональные советы начи-
нающим поэтам и прозаикам.
Осуществить такие поползновения

и смеялись, выписывали на память
отдельные перлы.

Одна из рукописей — это были
стихи молодого парня из маленького
городка Иркутской области, челове-
ка, вероятно, не совсем психически
здорового, — разошлась на сюжеты
устных и записанных на бумаге рас-
сказов. Многие строки странного
автора я помню и сейчас:

Душа болит о прозябанстве...
Ну, а бубет зовет к вину...

Стихотворение, воспевавшее
романтику воинской службы, начи-
налось так:

Ну мороз! Как в Лондоне, туман.
Часовой направил в тьму наган,
а другое, о сибирской природе,
имело такой конец:

Дальше в лес — так больше
дров,

Да и больше зайцев.

Для своего рассказа «Сумочка к
ребру» Саня взял следующее четве-
ростишие:

Из подворотни выбрел пес лох-
матый

И вдруг завоил, словно не к
добру.

Подкрадывался сумрак борода-
тый,

Подвывая сумочку к ребру.

А в записную книжку занес
лучезарный афоризм незнакомого
стихотворца:

Улыбка до ушей —

Будущее наших детей.

Нашей веселой работой в лите-
ратурной консультации навечно, мне
кажется, еще несколько вампилов-
ских записей:

«Поэт принес в газету стихи.

— Переделайте так-то и так-то,
— сказал редактор.

Переделал.

— Ну вот. Стихи взять не мо-
жем».

«Первое стихотворение начина-
ющего автора, написанное им в день
своего пятидесятилетия, начиналось:
«О Муза, я у двери гроба!»

«Поэт. Про него нельзя сказать
»невольник чести». Он от чести сво-
боден».

«Графоман-рецидивист». «На-

Саня не раз слышал о них. О своем
случае рассказывал ему и я. Однаж-
ды после полуночи я возвращался от
брата, снимавшего угол на одной из
Советских улиц. На глухой трамвай-
ной остановке на меня напали два
парня. Спас подоспевший трамвай,
навстречу которому я бросился, от-
биваясь от налетчиков. У Вампилова
все происшедшее поставлено с ног
на голову — вышло очень смешно:
«Трое и один. Один: »Какая улица?»
Трое: «Советская». Один: «Разде-
вайсь»

Где-то в начале учебы мы
дружно ходили в секцию
бокса. Вечерами в общежитии, на
площадке у боковой лестницы, уст-
раивались показательные трениров-
ки. Умения, или, как говорят, «тех-
ники борьбы», у нас еще не было,
так что, случалось, в пылу «боя»

разбивали носы. Доставалось и на-
шим костлявым телам. Явно под
впечатлением этих поединков Саня
записал в своей книжке: «Два сту-
дента, легко поспоривших и обме-
нявшись ударами в челюсти, упали
замертво. Оба питались в столовой
университета».

После упоминания столовой к
месту будет сказать о нашей сту-
дентческой нищете, о вечных поисках
денег — у Вампилова есть несколько
забавных записей об этом.

Почти все ребята нашей группы
вышли из необеспеченных семей,
потому нередко голодали. Зная
такие времена и Саня. Теперь чита-
тель поймет, почему будущий дра-
матург возвращался в своем блок-
нотике к одному и тому же:

«Денег нет? — спрашивал он,
сгорая от любопытства». «Безгранич-
ная фантазия человека, которому
нужны деньги». «Хотел говорить то,
что думает, но вспомнил, что у него
нет денег». И наконец: «Безумно
хочется получить 20 рублей».

Кажется, тема для острог груст-
новата. Но недаром же Вампилов
считал, что «юмор — это убежище,
в которое прячутся умные люди от
мрачности и грязи». Даже в короткой
фразе он стремился передать харак-

Это в вампиловском духе —
перечеркнуть хрупкое, мечтатель-
ное настроение приземленно-
ироничной фразой. Вскоре он
австает пушкинскую строку в свой
рассказ «На скамейке», но какое
обращение приготовил для нее!

«Вирусов вдруг впал в бес-
сказдальное элегическое настро-
ение и, покопавшись в своих
сведениях из школьных хрестома-
тий по литературе, высокомерно
процитировал: »Приют задумчи-
вых дриад! Штуки хихикнул, но
был назван пошляком и неучем.
Уличив приятеля в незнании гре-
ческой мифологии, Вирусов пе-
решел на невежество Штукина
вообще — тему более доступную
и свободную.»

В студенческие наблюдения
отразились полной и разнообраз-
ной. Есть сцены и образы в
которых эти наблюдения весьма
трансформированы, но есть и та-
кие, что очень похоже передают
действительные пейзажи, ситуа-
ции, характеры.

В рассказе «Студент» Вампи-
лов рисует картину, такую знако-
мую по юным годам:

«Он сбежал по лестнице, бы-
стро прошел прохладный суме-
ренный коридор, толчком распах-
нул дверь и на мгновение ослеп
от резкого майского солнца.

День не жаркий, ветер ров-
ный, бодрый, с конца озера реки и
черемух, без конца идут быстрые
плотные тени. Напротив в сквере
струится зеленый поток березовой
листвы, за ней качается серебря-
ная челка фонтана. Ветер бросает
струи воды мимо каменной чаши,
далеко на асфальт стелется белый
водяной дым, под ним визжат,
носясь голоногие девочки. Сту-
дент перешел улицу, в лотке у
сонного небритого дяди купил
сигарет и побрел вдоль сквера,
лениво ступая на черную узорча-
тую тень чугунной ограды».

(Окончание на 4 стр.)



19.08.92
Восточно-Сибир. вестн. (Иркутск).

Александр Вампилов:

«ЮМОР—ЭТО УБЕЖИЩЕ ОТ МРАЧНОСТИ И ГРЯЗИ»

(Окончание. Начало на 3
стр.)

Тут все совпадает с натурой;
как говорится, один к одному.
Совпадают с реальными и другие
детали пейзажа, нарисованного в
рассказе «Студент»: «У воды,
будто лунатики, туда и обратно
ходят, трещат рулетками рыбаки...
С той стороны уютно-зеленое
предместье, обросшее садами и
аллеями, сползает к реке желты-
ми тропинками улиц.» В этом
предместье за Ангарой, в Глазко-
во, Саня жил с братом.

«Оказаться на том берегу, в
темноте, легким и быстрым, ша-
гать в гору мимо сада, задевая
висками прохладные черные вет-
ки». Здесь все автобиографично.
Хозяинская усадьба стояла на горе,
вокруг флигеля, занимаемого
Вампиловыми, рос сад, и это
возвращение домой в темноте,
сквозь прохладные ветви было
приятно для Сани. Да и после-
дующие строки — это о себе
самом. «Через час он вошел в
маленькую комнату на окраине.
Глянул в окно, в глубокую, нева-
сказанную ночь, сел к столу и, не
отрываясь, черкая, комкая и вы-
брасывая листы, писал».

Несколько рассказов А.Вам-
пилова («Стоматологический ро-
ман», «На скамейке», «Девичья
память», «Свиданье», «Глупость»)
— это смешные истории, при-
ключившиеся с молодыми, влюб-
чивыми людьми. Знакомства,
встречи, объяснения — и все это
под веселым понимающим взгля-
дом автора, ровесника своих ге-
роев. Студенческая жизнь давала
достаточно сюжетов такого рода.

Но Вампилов любил не
только подмечать смеш-
ное в действительности, чтобы
потом оживить его на листе бу-
маги. Он любил сам разыгрывать
сцены, подобные тем, что описы-
вал в рассказах, тогда жизнь
развивалась как бы по законам
его драматургии.

«Подмостками» в основном
была улица. В те годы вечерняя
жизнь в Иркутске особенно шум-
но и полноводно текла по цент-
ральной улице — имени Карла
Маркса, по справедливости назы-
вавшейся до революции Большой.
Замечательный сад на берегу Ан-
гары с танцевальной площадкой,
открытой эстрадой, киосками и
лотками, а самое главное, с те-
нистыми загадочными аллеями,
драматический театр, несколько
кинотеатров (не говоря уж о ре-
сторанах и столовых) — все это
влекло на главную городскую
магистраль. Улица была закрыта
для транспорта, и теплыми вече-
рами весь город выходил сюда

прогуляться; густые толпы, запол-
нявшие пространство между дау-
ми рядами старинных зданий,
двигались навстречу друг другу;
юный смех, тревожный разговор,
беспечный возглас, старческий
кашель — все передавало некую
полноту жизни, одновременно и
бедной, неустроенной, и праз-
дничной, притягательной.

Игра в ненаписанной сценке,
уличный диалог, словесная имп-
ровизация — назовите, как хоти-
те, то, что шутил затевал Саня,
когда оказывался в людском по-
токе. Партнером его чаще всего
доводилось быть мне, другие ре-
бята из нашей группы предпочи-
тали заниматься более серьезны-

проходил здесь пятнадцать минут
назад?

Ответы девчат (конечно, двух
и, как правило, симпатичных) то-
нули в новых вопросах:

— Куда вы торопитесь? В
одинокую холодную комнату?

— Ах, нет. Вас ждет забот-
ливая тетя?

— Больная бабушка?

— Я догадался: строгие ро-
дители?

— А я знаю, где вы живете.

Чапаева, восемнадцатый!

(Почему-то Саня любил этот
адрес. И упоминал его в комедии
«Прощание в июне»: «Таня: И где
»нас» ждут? Колесов: Чапаева,
восемнадцать, комната сорок два



ми делами.

«На танцплощадке они побы-
вали лишь для того, чтобы ожи-
вить давку при входе и выходе в
узкую калитку; шутили с незна-
комыми людьми и свободно, безо
всяких предисловий заговаривали
о любви со скромными и безза-
щитными девушками. Это пре-
людия. В ней верен, так сказать,
каждый звук. На танцплощадку
тогда проходили между двумя
металлическими перекладинами,
напоминающими гимнастические
брусья, а так как путь был очень
узким, то нетерпеливая молодежь
брала его штурмом. Что же до
разговоров со скромными и без-
защитными девушками, то начи-
нался диалог обычно просто, но
не без вдохновения. К примеру:
— Скажите, пожалуйста, я не

Ну?.. Соглашайтесь! Ручаюсь,
скучно не будет».)

Услышав Санин любимый ад-
рес, девчата удивлялись: почему
именно — Чапаева?

— Потому что у вас такой
героический вид!

Бывало, что к нам с первых
минут относились прохладно. Тог-
да Саня утешал:

— Такая холодная улыбка в
такой теплой компании...

— Таким взглядом можно
напугать ребенка или заморозить
воду...

Эта игра (в несколько изме-
ненном варианте) описана Вам-
пиловым в юмореске «Девичья
память», ее отголоски слышны в
некоторых других произведениях
драматурга.

Писатель, как пчела, повсюду

берет взятку, чтобы наполнить
соты будущего произведения.

После четвертого курса,
летом 1959 года, мы ез-
дили на военные сборы. Однажды
наш взвод, человек двадцать пять,
провел целый день на стрельби-
ще. Моросил дождь. Закончив за-
нятие, мы построились и напра-
вились к машине, стоявшей до-
вольно далеко, на дороге. Взвод-
ный, старший лейтенант, скверно-
слов с маленькими злыми глаз-
ками, поторопил: «Шире шаг!» Но
все устали, широкого шага не
получилось. «Бегом!» — закричал
старлей и грязно выругался. Бега,
какого он хотел, тоже не вышло.
Тогда, матерясь, взводный прика-
зал нам топтать до палаточного
городка пешком, а сам сел в
машину и уехал.

Брели мы усталой и промок-
шей толпой километров пять. Пе-
ред городком построились в ко-
лонну, а увидев у первой палатки
мстительно-торжествующего стар-
лея, даже зашли:

Легко на сердце от песни
веселой...

Воспоминание об этом слу-

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—

—